

РИСКОВАННЫЕ ИГРЫ

П Р О З А

ВАЛЕРИЯ **БОЧКОВА**

В БАЛЧЕКРОВИЙ

БЕРЛИНСКАЯ ЛАТУНЬ

роман

Москва
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б86

Художественное оформление серии
Петра Петрова

Бочков, Валерий Борисович.

Б86 Берлинская латунь / Валерий Бочков. — Москва :
Издательство «Э», 2018. — 256 с. — (Рискованные
игры).

ISBN 978-5-699-99064-1

Глнтвейн и рождественские гимны, русские иммигранты-грабители и немец-спасатель, мрачный англичанин — специалист по истории Третьего рейха и экскурсии в «подвалы гестапо». Все это было бы не важно, если бы не старый самовар с загадочной надписью на боку, купленный в Берлине на рождественском базаре. Какие загадки таит в себе этот бесполезный сувенир?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-99064-1

© **Бочков В., 2018**
© **Оформление.**
ООО «Издательство «Э», 2018

БЕРЛИНСКАЯ ЛАТУНЬ

1

В моем американском путеводителе написано: «Декабрь в Берлине хмур, и город может произвести недружелюбное впечатление». Типично американское жеманство — мы вышли в непроглядную темень, промозглою и сырую. Сырость чуть-чуть не доползла до точки замерзания и сыпала колючей гадостью в лицо.

— Такие вещи нельзя показывать детям. — Мария сердито подняла воротник и, завладев моим локтем, потянула в сторону мутных огней Фридрихштрассе. — Просто не пускать с детьми, и все!

Выставка называлась «Топография террора». С немецкой дотошностью тут были собраны, классифицированы и выставлены тысячи документов, относящихся к истории СС. От начала двадцатых, от банды Шрека — дюжины пьянчуг, охранявших Адольфа во время его задиристых речей по пивнушкам Мюнхена, до рейхсколосса — гипертрофированной государственной структуры со своей кавалерией и танковыми частями. Кавалерийская дивизия игриво именовалась «Мария-Терезия» и каким-то образом избежала наказания в Нюрнберге.

В чернильном небе над низкорослым провинциальным горизонтом торчала телебашня с мерцающим стальным шаром — там смотровая площадка и деревянный ресторан, который мы спонтанно посетили накануне. После их венского шницеля я до полуночи глотал соду, мучаясь от свирепой изжоги. Впрочем, панорама из ресторана открывалась потрясающая.

Мария ткнула холодным носом мне в щеку, от волос пахло незнакомым гостиничным шампунем — что-то фальшиво-еловое. Мостовая шла с едва уловимым уклоном, мы наступали на свои тающие тени, постепенно они слились с влажной чернотой асфальта. Мы вошли во мрак. Справа и слева таинственно темнел неосвященный пустырь, там вполне могла таиться бездна, или пашня, или вообще что угодно. Слева бледнел кусок Стены, оставленный немцами на память самим себе о неукротимой настырности социализма, в данном случае не национального, а демократического.

— Знаешь, когда мне было девять лет... — начала Мария и сделала паузу.

Я знал: «...мы путешествовали по Европе, и в Амстердаме отец повел нас в музей Анны Франк». Слышал эту историю два раза, но, не сказав ничего, поощрительно кивнул, и она продолжила:

— Мы путешествовали по Европе, и в Амстердаме отец повел нас в музей Анны Франк. Такой обычный голландский дом — узкий, с крутыми тесными лестницами... на каком-то канале.

«Принсенграхт», — подумал я. В Амстердаме я бы-

вал часто, играл во всех трех залах Концертгебау — в Зеркальном зале, на мой взгляд, лучшая акустика в Европе. Мне только исполнилось двадцать девять, был ранний апрель, с Королевским симфоническим мы записали ля-мажорный концерт Листа и «Пляску смерти» — сказочное время.

— Там была одна фотография, мутная, черно-белая. — Мария говорила тихо. — Из-за этой мути еще более жуткая... Знаешь, когда самые страшные детали сознание само додумывает?

Я кивнул, разглядывая пунктир красных огоньков, пульсирующих по игле телебашни.

— Их подвесили на крюках, как в мясной лавке. Ее и сестру. Или мать — я не помню, я лишь мельком взглянула и сразу зажмурилась. А потом мне это снилось: мясницкие крюки, сапоги по лестнице... Ахтунг, шнеллер! Снилось, что я под кроватью, они по полу фонариком рыщут, топают, ругаются. Немцы...

Я снова кивнул.

— И все из-за одной фотографии. — Она поежилась, шмыгнула носом. — О чем он вообще думал, когда тащил туда девятилетнего ребенка?

Я видел ее отца, основательного здоровяка в рубаше цвета закатного неба, всего однажды. На День благодарения. В Калифорнии. Не знаю про Амстердам, но там, в Санта-Монике, он явно прикидывал, сколько я еще собираюсь морочить голову его дочери. Мы остались на веранде вдвоем, под ногами скакали наглые калифорнийские воробьи, бойко стуча клювами в рыжую

кафельную плитку. Я жмурился на солнце, тянул из горлышка лимонад, изображая райское блаженство. Так у них в Лос-Анджелесе принято. Он внимательно чистил апельсин перочинным ножом, стараясь не порвать длинную ленту кожуры. Оранжевые кольца змеились по поддельному мрамору стола. Очистив, молча протянул апельсин мне.

От одного воспоминания у меня поднялась изжога. Ехать с Марией в Берлин было глупостью. А еще трусостью и подлостью. Рубить надо было тогда, в начале декабря, когда возвращались из Хэмптона. Мария сама затеяла разговор, беспомощно и нервно обвиняя меня в эмоциональной дистрофии и душевном инфантилизме, что было правдой, но далеко не всей правдой. С торопливостью труса я перебил ее туманными заверениями, скомканными и косноязычными. Момент был упущен — и вот мы в Берлине.

— Еще звезды эти желтые. Им давали выкройки, представляешь? Выкройки и инструкции, куда ее пришивать, сколько там сантиметров от плеча, сколько до локтя. — Мария засемила, пытаюсь приладиться под меня. — Представляешь? Я бы просто не стала пришивать, и все.

Из тьмы послышались шаги, потом, шаркая, выплыл силуэт.

— Да. Иду по дороге. — Человек прижимал телефон к уху, половина лица мерцала сизым. — Темно. Ничего не видно. Какие-то люди идут навстречу. Темно, не понять.

Мария хмыкнула, потом повторила:

— Не стала бы, и все.

— Ну так ты ведь и не еврейка.

— А ты бы стал пришивать? Ведь ты ж наполовину...

— На четверть, — перебил я. — На четверть.

Мое отношение к еврейству — как в частности, так и в целом — простым не назовешь. С одной стороны, бабушка Лида (даже с того света, хотя иудеи и не верят в загробные кущи, что меня тоже несколько настораживает) дала моим родителям бесценный шанс уехать и увезти меня из подыхающей империи. А с другой — наша израильская виза оказалась лишь пропуском в свободный мир: ни у кого и в мыслях не было поднимать целинные земли Израиля. Так что наша семья, впрочем, как и миллионы других бывших совграждан, совершила классический тур Вена — Италия — Америка, оставив Землю обетованную при ее трэфовом интересе. Малолетство мое может сойти за оправдание — тогда мне исполнилось лишь четырнадцать.

Корявыми контурами выплывали голые липы, потянуло теплом и едой. Опасливо выглянула луна и тут же исчезла в рваной прорехе. Мы выбрали наконец на Фридрихштрассе. Темень перетекла в морозящую зыбь желтых фонарей, казалось, тротуар был мелко усыпан битым стеклом.

Посередине проезжей части громоздилась фанерная будка пропускного пункта Чекпойнт Чарли — тут когда-то проверяли паспорта путешественников из капитализма в социализм и обратно. Дородная гол-

ландка, изрядно пьяная, позировала между двумя молодцами, наряженными солдатами, американцем и гэдээровцем. Они лениво помахивали мокрыми тряпками больших флагов. Голландцы мигали вспышками, гортанно чем-то восторгались, девица хохотала, потом стала звучно икать. Мария не удержалась, выудила из кармана камеру, незаметно сделала пару снимков. Откуда-то потянуло сгоревшими сосисками.

Мария права: духовный инфантилизм — моя беда, у меня душа даже не ребенка (поскольку ребенок-то как раз чист), у меня душа примата, макаки-резуса. Душа-зародыш. А может, даже и зародыша там нет, так, доброкачественная опухоль. Ведь бывает же ложная беременность со всеми внешними признаками, включая утреннюю тошноту и соленые огурцы? Я пытаюсь понять, как возник этот изъян, что и где нужно жечь каленой сталью, как укус гадюки. Если, конечно, еще не поздно и яд не успел растечься по всему телу, по всем органам. Не успел отравить мозг и сердце. Особенно сердце.

Тогда в машине, возвращаясь из Хэмптона, я уверял Марию в своей любви. Я не врал. Я продирался на ощупь беспомощными словами, корявыми и угловатыми. Упирался в глухие тупики, все запутывалось, становясь пошлым и глупым. Я не умею выражать чувства словами, всю жизнь меня учили другому.

Голландка звонко икнула, подалась вперед, и ее шумно вырвало на мостовую. Солдаты, отпрянув, прикрыли сапоги флагами, друзья-туристы заржали и при-

нялись щелкать камерами, тут же отправляя снимки в Сеть.

— Ты можешь вообразить, что предки вот этих вот... — Мария брезгливо кивнула, — несколько веков назад переплыли океан и основали Манхэттен?

Она отвернулась, я обнял ее. Мы пошли в сторону Жандарменмаркт.

2

Не открывая глаз, я уже видел вязкое сырое небо. Будто политый черным лаком, сиял мокрый купол Французской церкви с вызывающе золотым ангелом на маковке; чуть левее, за невысокими крышами — двуглавая деревенская кирха в Николаифиртель, еще дальше маячила неизбежная телевышка. В брешь дремоты проник бой часов на какой-то башне, глухой и тягучий, словно звонили под водой. Звук, мешаясь с остатками сна, тянул и тянул в блаженную бездну. Вкралась какая-то неточность, пошла рябь, вот ангел растаял над куполом, исчез и купол, все куда-то сладко потекло, похоже, в сторону счастья. Кто-то прошептал: «Тихо... молчи. Пусть говорит ветер». Я согласился: «Пусть». «Ты ведь все равно никогда не скажешь лучше и яснее, чем это сделают белые облака своим скольжением по голубому небу». — «Я и не пытаюсь», — снова согласился я. «Вот и не пытайся», — прошептал кто-то.

Заснуть оказалось легче, чем я предполагал. На грани сознания и дремы возник толстый красивый военный, улыбочивый и хитрый. Палевый мундир, золотые крученые аксельбанты, в петлицах — бронзовые пропеллеры. Бывший пилот Геринг. Он предложил название «эскадрилья прикрытия», хоть уже давно не летал, но любил щеголять авиационными терминами. «Шутцштаффель» звучало хлестко и энергично. Сокращенно СС — тоже неплохо.

Гитлер никому не доверял разработку визуального бренда своей партии, сам усердно царапал наброски в карманном блокнотике на пружинке. Символом СС стали две белые руны «зиг» на черном фоне.

Адольф, послунявив карандаш, затушевал покрепче фон, обвел контуром в виде щита. Художник он был неважный, без фантазии, знал это и пытался компенсировать хромой талант усердием. Начитавшись Кюммера, Гитлер верил, что руны служат мостом, соединяющим человека с древними арийскими богами. Каждая руна соответствует определенной позе. Он выставлял руки углом вбок и торжественно говорил:

— Кауна! Я — факел! Кауна! Ты чувствуешь жар, Мартин? — Фюрер, сияя мальчишеским задором, топырил тощие пальцы. — Я направляю рунический поток!

Руническая магия (как он считал) позволяла управлять различными энергетическими потоками, излучаемыми пятью космическими сферами. Для этого нужно лишь принять правильную руническую позу и настроить сознание на восприятие потока энергии, повторяя

магическое заклинание. Рунический звук. В случае с огнем заклинанием было слово «кауна».

— Кауна! Жар! Ты чувствуешь жар?

Мартин не отвечал, у Мартина не было лица, лишь бледное пятно. Сознание растерянно шарило, впопыхах что-то нащупав, вытянуло и показало. Не то! Печеная голова министра пропаганды, черная, с беличьим оскалом и дырками вместо глаз. Вот гадость! Пытаясь стряхнуть видение, нырнул глубже, но сволочь Йозеф все испортил: за ним поплыли грязно-серые тела, голые, похожие на сломанных кукол без признаков пола, удивленно распахнутые печи крематория, кирпичные трубы с жирным дымом. Железный бульдозер сгребал тела в груды. Выбора не оставалось, я проснулся.

Дождь почти перестал. С площади донеслось нытье саксофона, кто-то фальшиво выдувал Гершвина. У бордюра стояло кремовое такси со спящим брюнетом за потным стеклом. Вспугнув пару голубей, мы перешли через пустую улицу, Мария на ходу пыталась отцепить шарф, пойманный на крючок сережки.

Ветер пахнул чем-то жареным на углях, почти дьявольский запах для столь раннего часа. За маскарадной аркой с суетливо моргающей неоновой надписью «Вайнахтсмаркт» бледнели тугие шатры местной ярмарки. На шпильях шатров топорщились желтые звезды, похожие на морских ежей. В центре, где летом бил фонтан, высилась исполинская ель в разноцветных